

Владимир Малягин

Отец Арсений

Драма в двух действиях

Действие происходит в середине
нашего времени.

Действуют:

- Следователь Одинцов
- Надзиратель Веселый
- Отец Арсений
- Алексей
- Саша Кузнецов
- Рогозин

- Авдеев
- Ганич
- Щуплый
- Дневальный
- Пахан
- Карий
- воры
- Парнишка
- Заключенные барака

Действие первое

Картина первая

Кабинет следователя особого отдела при лагере. Обычная казенная мебель: стол с лампой,

табуреты, несколько шкафов. Один из шкафов открыт. Кабинет пуст. Открывается входная дверь. Раздается резкий голос: «Заходите! Ждите.» В кабинет входит заключенный. Он худ и желт. На вид ему — под шестьдесят. Обрит наголо. И лишь небольшая бородака придает лицу необычность. Дверь, впустившая его, захлопывается. Вошедший оглядывается в поисках хозяина, но никого не обнаруживает. Он украдкой крестится, замирает, прислушивается. Пауза. Внезапно из-за открытого шкафа выскакивает человек. У него в руках пистолет. Он направляет пистолет на заключенного.

Следователь (дико кричит).
Смерть!..

Выстрел. Заключенный успевает вскинуть руки к лицу и отшатнуться.

Пауза.

Нда... А я-то думал: священник, да при том еще монах, так сказать, муж святой, в рай собирается, так и смерть ему не страшна... А вы, оказывается, труса празднуете... В штаны-то не наделал, поп?

Заключенный опускает голову.

(С подчеркнутой вежливостью.)
Прошу садиться, гражданин

Стрельцов.

Заклученный поднимает на него недоверчивый взгляд.

Да-да, я вам. Садитесь, пожалуйста, к столу, отец Арсений. Или как к вам лучше обращаться — «батюшка»?

Отец Арсений. Все равно.

Следователь. Нуда: хоть горшком назови, только в печку не суй...

Оба садятся по разные стороны стола.

Знаете, рад наконец познакомиться

с вами, Петр Андреевич. Давно о вас наслышан, особенно же — о вашей истовой религиозной пропаганде среди заключенных...

Отец Арсений. О моей пропаганде? напрасно хотите обвинить...

Следователь (делает успокаивающий жест рукой). не бойтесь, не бойтесь, это не для протокола!

Молчание.

Слушайте, и неужели ж вы действительно верите в Бога?

Отец Арсений. Верую.

Следователь. Удивительно! Почти

невероятно! Тридцать лет советской власти... Казалось бы, целая человеческая жизнь... А сколько лет мы вас... (подыскивает слово) перевоспитывали! Неужели все впустую? Нет, не верю! Не верю!.. Кстати, моя фамилия Одинцов. Я надеюсь, вы обо мне слышали?

Отец Арсений. Да.

Одинцов. Вот и хорошо, милый друг батюшка, вот и славно... Начнем, пожалуй?

Молчание.

(Сухим и жестким тоном.) Фамилия, имя, отчество?

Отец Арсений. В миру — Стрельцов

Петр Андреевич.

Одинцов. Кстати, а почему монахи меняют себе имена? Не для того ли, чтоб скрыться от советского правосудия?

Отец Арсений. Простите, но монашество существовало задолго до советского правосудия.

Одинцов. Но не всегда же имена меняли?

Отец Арсений. Всегда. Новое имя дается монаху в знак второго рождения, духовного.

Одинцов. У воров то же самое. Так привыкнет к своей кличке, что и метрики забывает.

Молчание.

Год рождения?

Отец Арсений. Тысяча восемьсот девяносто восьмой.

Одинцов. Национальность?

Отец Арсений. Русский.

Одинцов. Род занятий?

Отец Арсений. Заключение.

Одинцов. В миру, в миру!

Отец Арсений. Священник.

Одинцов. Участие в заговорах, контрреволюционных организациях?

Отец Арсений. Такого не было.

Одинцов. Не было? Так вот ты,

значит, как? К тебе по-хорошему, а ты... Учти, здесь у меня не строгий режим, на котором ты вольготничал, — здесь особый лагерь! Ты знаешь, что такое особый?

Молчание.

Будешь вот так молчать — узнаешь. Я тебя в такой барак пошлю... Есть у меня один помощничек, по кличке Карий... Ох и пустит он тебе кровушку, поп!.. Ну, так начнем, пожалуй... Рассказывай, поп, про организацию, которую ты собирал в Ленинграде. Ну?

Отец Арсений. О какой организации?

Одинцов. Организация для свержения существующего строя!

Нашей родной советской власти!

Отец Арсений. Но вы же знаете...

Одинцов. Я пока ничего не знаю!
Но готов слушать.

Отец Арсений. Вы же знаете, что
никакой организации не было.

Одинцов. Неужели?

Отец Арсений. А если бы они и
была, состоять в ней я бы все равно
не мог.

Одинцов. Интересно знать почему?

Отец Арсений. Православный
верующий иметь целью свержение
власти не может.

Одинцов. Да отчего же, отчего?

Отец Арсений. Существующие

власти от Бога установлены. Кто противится власти — противится Божию установлению.

Одинцов. И что, вы вправду так считаете?

Отец Арсений. Это не я считаю. Это говорит апостол Павел к посланию к римлянам.

Одинцов. Так-так... А что еще говорит ваш апостол по этому поводу?

Отец Арсений. Говорит, что повиноваться надо не только из страха, но по совести.

Одинцов. По совести? Ну что ж... Видать, он не дурак был, апостол-то ваш... Понимал государственные интересы... Исторически ограничено, конечно... Но это нам, в целом, облегчи задачу... Ну к

делу: садитесь поближе и пишите.
А я продиктую, что нужно.

Молчание.

А в чем же дело? Только что шла
речь о повиновении.

Молчание.

(Тихо.) Я ведь с тобой
разговариваю, поп... (Кричит.)
Встать!

Отец Арсений встает.

(Снова подчеркнуто вежливо.) Так я не понимаю вас, милый батюшка! Только что вы привели замечательные слова вашего апостола, а сами... Но, дорогой мой, за слова надо отвечать...

Отец Арсений. Я пойду в забой, если мне прикажут...

Одинцов. Забой? При чем здесь забой? Я приказываю писать показания! Продиктую сам — только записывайте!

Отец Арсений. Но ведь вы продиктуете мне неправду? Нет. Лжесвидетельствовать я не стану.

Одинцов (после паузы). Станешь.

Отец Арсений. Простите... Не стану.

Одинцов не спеша встает,
прохаживается по кабинету,
останавливается напротив
сидящего отца Арсения, пристально
смотрит на него. Под этим взглядом
отец Арсений медленно встает.
Удар Одинцова. Отец Арсений,
вскрикнув, корчится на полу.
Одинцов не спеша проходит к
столу, садится.

Одинцов. Ну что, отченька, начнем,
пожалуй?.. Фамилия, имя,
отчество?

Отец Арсений хочет ответить, но не
может вздохнуть и только хрипит.

Когда сможешь вздохнуть —

отвечай.

(Углубляется в бумаги.)

Отец Арсений медленно
поднимается и садится на табурет.

(Негромко.) Встать!

Отец Арсений (поднимаясь, через
силу). Отец Арсений.

Одинцов. В миру!

Отец Арсений. Петр Андреевич
Стрельцов.

Одинцов. Моя фамилия — Одинцов.
Когда заключенному говорят, что
его ведут к Одинцову, заключенный
ссыт в штаны. Ко мне их так и

приводят, в мокрых штанах. Год рождения?

Отец Арсений. Тысяча восемьсот девяносто восьмой.

Одинцов. Национальность?..

Картина вторая

Большой барак, нары в три яруса, разделенные широким проходом посередине. Дверь в задней стене, у двери стол и табурет. На табурете сидит Дневальный и дремлет. Яркие электрические лампы под потолком. Кто-то лежит на нарах, кто-то сидя давит вшей. Из глубины нар звучит высокий звонкий голос. На переднем плане расположились двое: Саша Кузнецов и Rogozin.

Поющий голос

«Светом луны озарился

Старый кладбищенский двор,

А над сырою могилкой

Плакал молоденький вор...

А над сырью могилкой

Плакал...».

Саша (с чуть заметным акцентом).

Или вот возьмите о страданиях

вопрос... За что человек страдает?

Как вы считаете?

Рогозин. Ну, не знаю... Каждый за свое. Вот я доверился одной...

Одному человеку... А человека того позвали, куда надо, спросили, что надо... И я оказался здесь...

Саша. Ну?

Рогозин. Что «ну»?

Саша. Ну продолжайте.

Рогозин. Я уже все сказал.

Саша. Все? И это, вы считаете, все?

Рогозин. А вам мало?

Саша. То, что вы рассказали, — ерунда, ничто, видимость! Донесла на вас эта, а могла другая донести — разве это важно? Ведь я-то вас спрашиваю: за что страдает человек? Понимаете? Не «кто донес», а «за что»!

Рогозин. Не вижу разницы.

Саша. Нда... Жаль, очень жаль. А ведь вы — музыкант. Вы должны особенно чувствовать...

Рогозин. Что именно?

Саша. Да все, все! Вот вы ведь не спутаете диминуэндо и пианиссимо?

Рогозин. Это разные вещи.

Саша. Вот именно, разные вещи! А когда речь заходит о душе человека — тут даже самые тонкие ничего не различают!

Рогозин. Ну, знаете, душа... Однажды я разговаривал с американцем... Точнее, не я, а один мой знакомый... Даже не знакомый, он был из другого города...

Саша. Не бойтесь, я не стукач. Так что вам сказал американец о душе?

Ведь правда, долго смеялся?

Рогозин (удивленно). Откуда вы знаете?

Саша. Ну, видите ли, я с американцами тоже разговаривал, и даже не однажды. Их вообще в Париже много бывает... Но я хочу вас успокоить: американцы — не бездушный народ, нет. Просто... Просто у них другой язык. Американский. И в нем не хватает некоторых слов, вот и все.

Рогозин. Но если не хватает — значит, без них можно обойтись?

Саша. Американцу, наверное, можно. Но мы-то с вами не американцы. А когда я в Париже говорил французу «душа» — мало кто смеялся. Особенно во время войны. Понимаете? Потому что с войной пришла боль — и люди как-

то вспомнили о своих душах... И тогда-то я стал задумываться: а почему, собственно, когда приходит боль, человек вспоминает о душе? Какая здесь существует связь?

Рогозин. Слушайте, Саша, зачем вам все это?

Саша. Неужели вы не понимаете? Ведь если мы поймем эту связь, если узнаем, для чего на свете существует боль, ведь мы же станем непобедимы! И никто тогда нас не сможет одолеть, никто не сможет унижить!

Рогозин. Э, бросьте!.. Вот придет Карий, пнет сапогом в морду — и забудем мы о наших с вами душах...

Саша. Ах, Карий-Карий... Таких раньше называли «отпетый». И ведь даже не вор, а приклатненный!

Рогозин. Да такие-то еще жесточе. Он же все время доказать хочет, что не хуже...

Саша. Кому доказать?

Рогозин. Всем. Им, нам... И себе в первую очередь.

Саша. А вы заметили: Карий все к Алеше-новенькому придирается в последние дни...

Рогозин. Еще бы. Хотел Алешу своей женой сделать, а тот не поддался. Так Карий ему страшную смерть пообещал. А пообещал — выполнит. Этот подонок за два года шестерых политических кончил.

Саша. Шестерых?

Рогозин. Это только на моей памяти. А сколько всего — не знаю... Помню, последнего

убивали... Был у нас такой Курицын, лет шестидесяти уже, учитель географии... Его в том углу барака всю ночь мучили... Губы ему обрезали, глаза выкололи... Он так страшно хрипел под утро — весь барак плакал... Врач написал — пищевое отравление... А у него — губ нет.

Саша. Прошу вас... не надо.

Рогозин. А почему? Ведь это все — видимость, не так ли? А на самом деле они его, наверное, очень любили, когда убивали, да?

Пауза.

Саша. Неужели за это никого не судили?

Рогозин. За что «за это»? за то, что какой-то каэр отравился баландой? За это у нас не судят.

Саша. Даже когда в Париж пришли немцы...

Рогозин. А вот про это не надо. Вы не говорили, я не слышал. не хватало нам с вами еще по червонцу схватить...

Саша. Как это странно все... Как странно... Казалось бы, чего нам с вами бояться? дальше у нас только смерть, и хуже уже не будет... Но мы и здесь как-то ухитряемся жить трусами...

Рогозин. Это что, в мой огород?

Молчание.

Ясно. Только позвольте один вопрос задать: а вы уверены, что хуже не будет? Пайка хлеба каждый день, в бараке согреться можно — а что сейчас в карцере, а? Карцер — железный ящик без печки, на улице — минус тридцать. Так сейчас лучше, по-вашему?

Поющий голос

«Ах, мама, ты бедная мама,

Зачем ты так рано ушла,
Простилася с белым ты светом,

Отца-подлеца мне нашла...

Простилася с белым ты светом...»

В барак входит Алексей. Это

молодой человек лет двадцати двух. Он подходит к печке, прижимается к ней, стоит так несколько секунд, потом резко отстраняется, проходит вперед, не замечая Сашу и Рогозина, садится на пол, сидит, покачиваясь и закрыв глаза.

Саша. Алеша... Алеша, что с вами?

Молчание.

Алеша, очнитесь!

Молчание.

Рогозин. Алексей, ты что, дружок?

Алексей. Проклятье... Хоть бы скорей умереть... Пусть бы убили из автомата... Из родного ППШ... Сразу десятков пуль... как хочется легкой смерти...

Саша. Зачем вы, о чем вы, Алеша?

Алеша. Их этой зоны не выходят. Мне сказали — никто не вышел, никогда. Так зачем мучиться, почему: все равно конец, конец!

Рогозин. Где ты был, Алексей?

Алексей. Надзиратель позвал... Пошли... Приходим в карцер... Он говорит: «Выноси»... Мы зашли вдвоем с караульным... Там Сережа Кравец... Мой друг... Свернулся калачиком... Думал, спит... Подошел тронул — а он железный... Ледяной... Взяли его, как полено, и вынесли... Два часа в карцере... Всего два часа!.. Пришел врач,

сказал: «Прохладно сегодня!» И все. И как будто никогда не было Сережи Кравца... Но он же был? Был или нет?.. Я уже не знаю... Не понимаю!.. Если человек так умирает — не может быть, чтобы он был... Его не было... Не было...

Саша. Был ваш Сережа... И сейчас он есть...

Алексей. Что?.. Есть?.. Послушайте, перестаньте врать!.. Я бы хотел, чтобы вы... Вот вы его выносили оттуда!.. Тогда бы вы не смели болтать!..

Саша. Вы просто испугались чужой смерти, Алеша... Так бывает... Человек иногда свою смерть бесстрашно встречает, а чужой — пугается. Но Сережа жив, поверьте мне!

Алексей. Нет уж! Верьте в это вы! А

я... Мне достаточно знать. Видеть и слышать. А все эти ваши загробные жизни — это все трусость! Это вы боитесь, а не я! Боитесь — потому и придумали себе утешение!

Саша. Ах, Алеша, Алеша... Вы повторили то, что атеисты твердят сотни лет...

Алексей, И правильно делают! Они, по крайней мере, от смерти не прячутся! не говорят, будто ее нет! А вы с вашим боженькой... Вы все — просто... просто уроды!

Распахивается дверь барака. На пороге надзиратель Веселый. Мгновенно оценив обстановку, он делает шаг к дремлющему Дневальному и ногой выбивает из-под него табуретку. Тут же пинает его. Дневальный ошалело

вскакивает, озирается.
Вытягивается перед Веселым,
хрипит со сна.

Дневальный. Господин над...
Товарищ надзиратель...

Веселый. Что?!

Дневальный. Виноват! Гражданин
надзиратель...

Веселый. Нет, почему же?.. Ты
припомни, а может, мы с тобой и
правду товарищи?

Дневальный. Никак нет! Я
виноват!..

В дверях возникает отец Арсений.

Веселый. А кто тебе разрешил спать на посту? ты уже все сделал, поросенок?

Дневальный. Никак нет...

Веселый. А ну-ка, честно: надоело тебе быть дневальным?

Дневальный. Никак нет!..

Веселый. Устал ты, я вижу, устал... Надо бы тебе отдохнуть... (Отцу Арсению.) Вот что, батюшка, — быть вам дневальным барака.

Дневальный. Гражданин начальник, за что?!

Веселый. Ты устал. Пойди-ка отдохни на общих работах. С завтрашнего дня.

Дневальный (шепотом). Гражданин начальник...

Отец Арсений. Гражданин начальник, разрешите мне на общие работы!

Веселый. Что такое?! Я с кем-то советовался?! не слышу!..
(Назидательно.) Дисциплина и порядок — основа жизни в местах лишения свободы. (Дневальному.) Сдай попу свое дежурство. Завтра — в забой.

Дневальный в полубормороке стоит, покачиваясь.

Какие вы все нежные...
чувствительные... И это — враги
Страны Советов? А ведь

империализм вербовал лучших из лучших! Уже по одному этому видно, что он полностью загнил. (Отцу Арсению.) Располагайтесь. Выполняйте обязанности.

Отец Арсений. Но что входит в обязанности?

Веселый. Поддержание порядка. А уж я проверю, как вы его поддерживаете. (Выходит.)

Заклученные помалу высачиваются из-за нар, любопытно и бесстеснительно заглядывают на новенького. Отец Арсений поднимает табуретку Дневального.

Отец Арсений. Садитесь, пожалуйста.

Дневальный. Ты... Ты еще издеваться? Занял мое место, а мне — погибать?

Отец Арсений. Вы же видели — я отказывался.

Дневальный. Врешь!.. Ты... Ты меня на общак выгнал, сволочь!.. Я же дойду!.. В неделю дойду!..

Отец Арсений. Нет. В забой вы не пойдете, вас совсем другое ожидает.

Дневальный (осекшись). Ты... Ты что это?

Отец Арсений. У вас другая смерть.

Дневальный. Нет, глядите — сумасшедший! Точно псих!.. Из-за таких... Да чтоб тебе сгнить!.. (Уходит в толпу.)

Карий. Ну, и ты на самом деле поп?

Отец Арсений. Да, священник.

Карий. А попадья у тебя была?

Отец Арсений. Нет, я иеромонах.

Карий. А що це таке?

Отец Арсений. Это значит — монашествующий священник.

Карий. Тебя что же, из монастыря вытащили?

Отец Арсений. Нет, я жил в миру.

Карий. В миру? Во пошли монахи: живет в миру, водку хлещет, колбасу жрет, баб щупает — а тоже называется монах!.. А ты, поп, драться умеешь?

Отец Арсений. Нет.

Карий. Ну и дурак. Ты слышал, что тебе Веселый велел?

Отец Арсений. А кто это — Веселый?

Карий. Не знаешь, кто такой Веселый? Ах ты, дитяtko мое... ну ничего, скоро узнаешь!..

Алексей (отцу Арсению). Веселый — надзиратель, что вас привел.

Отец Арсений. Спасибо.

Карий (быстро взглянув на Алешу) Ну так вот, Веселый велел тебе порядок в бараке держать, так?.

Отец Арсений. Так.

Карий. А вот я сейчас начинаю драку. И перышку вытащу. И кого-нибудь из фашистиков наших попишу... А ты должен меня

разнимать, понял? Должен ножик у меня отобрать! Умеешь ты отбирать ножики у эков? А тебя спрашиваю, вошь!

Отец Арсений. Не знаю. Я никогда не пробовал. Но я стану молиться.

Среди заключенных раздается сдержанный смех.

Карий (почувствовав общее одобрение). Что ты говоришь? Тебя, значит, только молиться и научили? Ну ничего, святоша, сейчас мы с тобой другой наукой займемся... Гляди только, ручки не порежь!.. (Молниеносным движением вынимает нож.) Гляди, поп... Вот я выбираю себе подходящего фраерка из фашистиков...

Начинает обходить заключенных,
заглядывая каждому в глаза.
Немногочисленные воры и
«приблатненные» смеются,
политические поспешно
отворачиваются, расходятся. Один
Алексей стоит, как будто не
замечая Карего. Тот
останавливается напротив него,
впивается глазами.

Открывается дверь, входит
невысокий коренастый
заключенный с бесцветным лицом.

Пауза

Вошедший спокойными шагами
хозяина проходит на середину.

Заклученный. Ну?

Карий. Пахан! Пахан, у нас такая обновка! Ты только погляди, пахан!.. Поп!

Пахан (всем корпусом повернувшись в сторону отца Арсения). Поп?

Отец Арсений. Да, я священник.

Карий. Да еще и монах, ты понял? А жил-то в миру, сам говорит, колбасу жрал, гад буду!

Пахан. Здесь на дадут. (Отцу Арсению.) Осенью взяли?

Отец Арсений. Весной.

Пахан. Этого года?

Отец Арсений. Тридцать третьего.

Пахан (помолчав). Какого?

Отец Арсений. Тридцать третьего.

Карий. Четырнадцать лет? Врет он, пахан, врет!

Пахан (тем же бесцветным голосом, Карему). Спрячь перо. (Уходит в свой угол.)

Карий, ломая себя, прячем нож.

Карий. Так... Значит, так... Ты понял, кто тебя спас, поп?

Отец Арсений (помолчав). Всех спасает Господь.

Карий. Вот как? А я гляжу, ты из упрямых. Но меня тоже не из глины делали. Знаешь, каких я фашистов ломал? Железных, комиссаров...

Какие наркомы мне зад лизали, суки!.. (Внезапно резко оборачивается к Алексею.) Что?

Алексей. Ничего.

Карий. Не хочешь со мной разговаривать?.. Не хочешь... Не любишь меня? не уважаешь заключенного Карего? Нехорошо...

Отец Арсений. Так это вы Карий?

Карий. А ты что, слышал про меня?

Отец Арсений. Приходилось.

Карий. И что ты слышал?

Отец Арсений. Слышал, что вы любите мучить людей.

Карий. Врешь! Ты слышал, что я всю шваль барачную в кулаке держу!

Отец Арсений. Это одно и то же.

Карий (помолчав). А ты, поп, чересчур умный. Я таких не люблю... Запомни: я таких умников не уважаю. (Опять поворачивается а Алеше, кладет руку ему на плечо.) Лепенек у тебя справный...

Алеша сбрасывает руку Карего.

Ты что сделал? А?

Алексей. Не трогай меня!

Карий. Не трогать?.. Ладно... Ладно, я тебя не трону... Я тебе обещаю, сынку... А вот на лепенек твой сыграю, не обессудь. (Идет к своему углу.) Эй, братва, налетай, подешевело! Играем на Алешин лепенек!..

Голоса. — Давай!

— Сразимся!

— Косой, давай!

Поющий голос.

«И вот я покидаю свой Колымский
край,

А поезд наш торопится на юг;

И всю дорогу моля я Бога,

Чтоб поскорей увидеть вас...».

Отец Арсений. Не бойтесь, Алеша.

Алексей. Что?.. Да мне наплевать,

поняли? И не вздумайте утешать со своим боженькой! Мне на все наплевать, на всех, на весь мир!..

Отец Арсений. Зачем же так? Ведь так — тяжело...

Алексей. Плевать!.. Все равно — правды нигде нет, нигде!.. Сережа Кравец сосулькой стал — за что? Что он сделал?.. И куда ваш Бог смотрел, когда он замерзал там? Когда кровь у него в жилах леденела?.. Где он был тогда, ваш Бог?..

Отец Арсений. Он был рядом с Сережей.

Алексей. Рядом?.. Значит, смотрел, как тот погибает?.. Как руки и ноги скрючиваются?.. Как сердце Сережино коркой покрывается?.. Хорошо Бог, хорош, нечего сказать!..

Отец Арсений. Всякий человек, умирает, Алеша.

Алексей. Всякий? В двадцать лет?.. Вот вы-то сами — небось до семидесяти дожили?

Отец Арсений. Нет, мне пятьдесят.

Алексей (озадаченно). Пятьдесят?.. Ну все-таки, пятьдесят... А мне вот двадцать два, и я скоро умру.

Отец Арсений. Почему вы это знаете?

Алексей. Знаю. Надоело все. Трусость наша... Мы все — трусы!.. Ведь нас больше, а мы не можем таких сволочей... Ножей, что ли, боимся?.. Так почему свои ножи сделать не можем?..

Отец Арсений. Для чего нам ножи?

Алексей. Да чтобы не бояться!
Чтобы они нас боялись!..

Отец Арсений. Но ведь если ножи
сделать — то надо будет и людей
резать этими ножами...

Алексей. А вы, конечно, против? Да
это не люди! Нелюди это! Ведь это
дерьмо — воров хуже!

Отец Арсений. Тише... Не надо вам
так... Карий услышит...

Алексей. А, уже испугались?
Правильно, этот Карий здесь царь и
бог, особенно для таких вот
«фашистов» как мы!

Отец Арсений. Я не за себя боюсь...

Алексей. А за кого? За меня,
может? Извините, ну нуждаюсь!

Отходит куда-то за нары. К отцу Арсению подходит Саша.

Саша (тихо, сложив руки).
Благословите, батюшка.

Отец Арсений. Верующий? Имя?

Саша. Саша.

Отец Арсений. Александр.

Саша. Саша. Я ведь парижанин.

Отец Арсений. Ты православный.
(Благословляет его.) Ты одни здесь?

Саша. Кажется, да. С кем ни завожу разговоры — никто не откликается.

Отец Арсений. Боятся люди, что ты...

Саша. Стукач? Нет, люди знают, я

осенью в карцере был.

Из воровского угла выходит
Парнишка-вор.

Парнишка. Поп, Пахан тебя
спрашивает, почему холодно? Ты
что, решил барак заморозить?

Отец Арсений. Ох, простите, я
сейчас... (Саше.) Где у вас тут
дрова?

Саша. Вообще-то каждый
дневальный сам для себя готовит...
А вы в сенях посмотрите, вдруг
остались.

Отец Арсений. Забыл, забыл о
деле...

(Уходит в сени.)

Парнишка. О чем шептались.

Саша. Говорили о Боге.

Парнишка. Гляди, Пахан секретов не любит! (Уходит.)

Входит отец Арсений с охапкой дров, подходит к печи, ладит растопку.

Саша. Как ловко получается у вас.

Отец Арсений. Было время научиться, Александр.

Голос (из угла политических).
Саша! Эй, Саша!

Саша. Извините, зовут зачем-то...

(Уходит.)

Тотчас к отцу Арсению подходит щуплый черноволосый зэк.

Щуплый. Послушайте, зачем вы говорите с этим французиком?

Отец Арсений. С каким французиком?

Щуплый. С этим Сашкой!

Отец Арсений. Александр — русский.

Щуплый. Поймите, он из Парижа! Отец — дворянин, белоэмигрант! Или вам все равно?

Отец Арсений. Н что во всем этом

страшного?

Щуплый. Ничего? А то, что он со всеми заводит баланду на религиозные темы? Это в лагере-то! Провокация, чистая провокация с целью выведать истинное лицо!

Отец Арсений. Чье лицо?

Щуплый. Да всех нас, каждого! И заметьте, он так только с политическими!

Отец Арсений. Не с уголовниками же ему о Боге говорить.

Щуплый. Что? Ах, ну да... Вы тоже религиозник... Но вы хоть поп, вам по штату верить положено — а он? Ему-то зачем все это надо?..

Отец Арсений. Чтобы жить, вероятно... Чтобы дышать.

Щуплый. Да-да-да... Ну если так...
Считайте, что этого разговора не
было.

Отец Арсений. Хорошо.

Щуплый. Но учтите: мы вас
предупредили. И если он на вас
донесет...

Отец Арсений. Он не донесет.
Другие, может быть, донесут, а он
нет.

Щуплый. Другие? Какие другие?
Вы... Вы что, на кого-то намекаете,
да?..

Отец Арсений. Бог с вами, на кого
мне намекать!.. Но ведь кто-то в
бараке должен доносить, верно?

Щуплый (помолчав). Возможно...
Наверняка кто-то должен, да. Но я
вас... Мы вас предупредили.

(Уходит,)

Откуда-то из-за нар появляется бледный , похожий на призрак Алеша.

Алексей. А хотите... Хотите, простое доказательство, что нет нигде никакого вашего Бога?.. Хотите?..

Отец Арсений. Доказательство? Что ж... Хочу.

Алексей. Ну так вот: если бы Он был — вы бы здесь не сидели!

Пауза.

Отец Арсений. Это и есть доказательство?

Алексей. А вам что — мало?

Отец Арсений. Мало. Да и неубедительно.

Алексей. Что, что неубедительно? Если бы Он был — Он был бы всемогущим! Правильно? Правильно или нет?

Отец Арсений. Правильно.

Алексей. А если б Он был всемогущим — неужели бы Он своих служителей позволил в эту яму бросить?

Отец Арсений. Ну, и я вам тогда спрошу: а зачем жизнь дается человеку?

Алексей. Вы что же, хотите сказать,

чтобы в лагере гнить?

Отец Арсений. И все-таки, зачем?

Алексей. Да чтобы жить.

Отец Арсений. Но как жить —
счастливо или страдания терпя?

Алексей. Человек рожден для
счастья, как птица для полета! Так
писатель сказал, классик! И,
кстати, верно сказал!

Отец Арсений. На этом-то нас и
ловят... А вы представьте только,
если бы этот классик сказал:
«Человек рожден для несчастья и
страданий, человек на этой земле —
не хозяин, а странник, не имеющий
крова, вся жизнь человеческая —
испытание его терпения и
смирения перед Творцом».
Представляете, какой бы это и
вправду был великий писатель? И

насколько бы мы с вами сейчас были сильнее! Мы бы знали, что человек страдать должен, мы бы это страдание воспринимали как исполнение долга! Но главное — главное! — мы бы и чужое страдание понимали и принимали. Сами ведь знаете, для совестливого человека чужая боль — еще тяжелее, чем своя... Но мы бы знали, что эта жизнь, эта смерть — еще не все, что есть Суд гораздо выше «тройки», что свет есть гораздо нашего света светлее! И представьте, насколько бы мы тогда стали сильны... Так, может, потому и ломали веру, что она — хребет человека?

Алексей. А вы это говорите каждому?..

Парнишка (выбегая из воровского угла). Эй, поп, тебя Пахан в

последний раз спрашивает: ты что заморозить нас решил?

Отец Арсений. Да ведь печка уже горячая. Сейчас и воздух потеплеет.

Парнишка. Где горячая, где она горячая? Брось мне баки заливать! (Кладет руку на железо печи и тут же с воплем отдергивает ее.) Ты!.. Ты!..

Отец Арсений. Да ведь я сказал: печь горячая!

Парнишка (треся рукой.) Ну... Ну я тебе... Гляди, падла!.. (Уходит за нары.)

Алексей. Разве это люди?

Отец Арсений. Люди.

Алексей. А вы знаете, что это за люди?!

Отец Арсений. Знаю. Плохие люди, грязные, жестокие. Ну а мы с вами — добрые? Мы с вами — чистые?

Алексей. Сравнить их с нами? Мы что — убивали, грабили, насиловали?

Отец Арсений. Слава Богу, хоть от этого уберег Господь. за то уж гордости в нас... А чем гордиться? Тем, что не убили никого? Но сколько раз в мыслях убивали? Будь наша воля — мы бы и наяву... По совести — ведь убили бы, Алеша?

Алексей. Убил бы...

Отец Арсений. А чужому богатству не завидовали, получить его не хотели? Значит, грабили, хотя бы и в мыслях... А власти и славы не

желали? А чужой жены — на женщину с вожделением не глядели?.. Но ведь это все — только то, что сверху. А внутри, под корою, — наши бездны открываются...

Алексей. А по-вашему, у каждого так?

Отец Арсений. К несчастью. Человек изнутри грехом попорчен, самая сердцевина задета.

Алексей. Но если все такие — значит, кругом одна грязь! А вы, церковники, насчет святых сказки сочиняете... Да не было никогда никаких святых, ложь все это!

Отец Арсений. Тысячи святых были. Сотни тысяч. И были, и будут, и нынче есть!

Алексей. Хороши же святые — с ног до головы в грязи!

Отец Арсений. Не так. Святые о своих грехах плачут. А покаянные слезы любую грязь отмоют.

Алексей. А кто не хочет плакать?

Отец Арсений. А кто плакать не умеет – к тому грязь его сильнее присыхает. На каждом из нас этой грязи – пуды. На Суде последнем она-то нас и потянет ко дну.

Алексей. А почему вы все время говорите «мы»? Это что, прием такой риторический? Чтобы поближе к народу?

Отец Арсений. Говорю обо всех и о себе тоже. Ведь я человек, а «всяк человек – ложь», так сказано в Писании.

Пауза.

Алексей. Хотите честно?

Отец Арсений. Очень хочу.

Алексей. Я, может быть, еще не до конца вас и понял... Но у вас все выходит как-то складно... Слишком складно... И вот это мне и не нравится.

Отец Арсений разводит руками.

Человек должен ошибаться!
Пробовать, искать, менять убеждения... В конце концов, жизнь длинна, пока состаришься...

Отец Арсений. Длинна?.. У нас на глазах люди в одночасье гибнут, а наша смерть, думаете, не за плечами, а за горами?

Алексей. Это вы про что? Про кого?.. Про Сережу Кравца, что ли? Да как вы...Я вам открыл - а вы против меня же и довод?.. Но это же подло, подло!..

Отец Арсений. Алеша, что вы?!

Алексей. Это подло, подло!, (Уходит куда-то за нары.)

Отец Арсений (крестится). Господи, как нехорошо... Нечаянно обидел мальчика...

Подходит Саша.

Саша. Батюшка, нехорошие новости.

Отец Арсений. Что?

Саша. Уголовные что-то затевают. Слышите, притихли? Готовят какую-то пакость, только неизвестно кому. Ох, боюсь, не пролилась бы кровь...

Отец Арсений. Часто она у вас льется?

Саша. Говорят, часто. На эту компанию – какая управа? Пахан хозяин, конечно, но он же вор, а воры как раз ни во что не мешаются. А заводила всех драк – убийца этот...

Отец Арсений. Какой убийца?

Саша. Да Карий же, Карий!

Карий (подойдя кошачьими шагами сзади). В чем дело? Я слышу свою кликуху?

Саша. Что? А, да.. мы тут говорили...

Карий. Любопытно, что обо мне мог сказать французик?

Саша. Я.. Я просто... Понимаешь, Карий...

Карий. Понимаете.

Саша. Что?

Карий. Ты разговариваешь не с фашистом позорным, а с зэком. К зэку можно обращаться на «вы». Запомни.

Молчание.

Ты запомнил, устрица парижская?

Молчание.

Я не слышу ответа...

Саша. Запомнил.

Карий. Нет. Надо сказать: «Я запомнил ваши слова»... Ну?

Саша (тихо, скороговоркой). Я запомнил ваши слова...

Карий. Умничка. Только вот выражение не то. Но мы еще позанимаемся. Завтра перед отбоем подойдешь к моей вагонке.

Саша. Зачем мне подходить?

Карий. Что? Что ты мне сказал?

Молчание.

Да, я виноват. Совсем запустил ваше воспитание. Сколько матерых фашистов топчут вокруг землю социалистической родины! Ну, ничего. Это дело мы поправим. (Громко.) Эй, сюда! Фашисты, на середину!.. Считаю до трех, потом – режу!.. Раз!..

Со всех концов барака стекаются заключенные, слева – испуганные политические, справа – смеющиеся уголовники. Нет только Пахана и Алеши.

Два!..

Уголовник. Да все уже здесь,
Карий!

Карий. А ну-ка, разуй глаза!

Уголовник. О, точно, Алешки нет!

Карий. Аленушка! Аленушка, я твой
братец Иванушка! Эй, где ты,
сестричка?.. (Зэкам.) Ну, чего
стоите? Привести!

Рогозин. Карий, у Алексея сегодня
в первом карцере друг замерз, его
подельник... Переживает он...

Карий. Он переживает?.. Что вы
говорите? Музыкант?.. Ну и как,
переживает? Аленушка!..

Алексей (выскакивая из-за нар.)
Ты!.. не смей меня так называть,
понял?.. Мне не нужны твои

кликухи!.. У меня есть имя!..

Карий (начиная спектакль для всех). Имя? И у вас имя? Ну, так извините, мы же не знали... А вы, оказывается, такой сердитый... Прямо не знаю, как к вам подступиться, — спереди, сзади!..

Алексей. Что тебе нужно?

Карий. Да видите ли, мусье, мы тут с ребятами в листики сыграли на все ваше барахлишко. А выиграл-то, уж извините, я... Так что, будьте добры, скидайте все догола прямо здесь, а шмоточки-то, извольте, я приму-с...

Уголовные начинают смеяться.

Алексей. Что тебе нужно, не понимаю?

Карий (зрителям, разводя руками).
Не понимают!

Уголовный. А ты объясни!

Другой уголовный. Проиграли твою одежду, дурень! Давай раздевайся – Карий все выиграл!

Алексей. Мою одежду? Да какое вы имели право?

Уголовные. Право?..

— Слышь, права качает!..

— Дай ему, чтоб не знал, где право, где лево!..

Карий (посерьезнев). А что, друганы, может, и придется. Последний раз велю: сними всю

одежду и отдай мне!

Алексей. Ничего не сниму! Я не собираюсь...

Карий коротко и резко бьет Алексея.

Ты... Ты, палач!.. (Бросается на Карего, но ударить не успевает – Карий сильнее и проворней.)

Карий. Ну, все, теперь без пощады!..

Уголовные. Честная драка!..

— Честная драка!..

Карий. Я понял, зэки! Будет потеха! А чтоб посмешней было – мы сейчас нашего петушка попрыгать пустим. (Медленно

вытаскивает нож; тем разительней короткий и острый щелчок, с которым вылетает лезвие.) А ну-ка, маленький, повесели старика – прыг-скок... прыг-скок...

Алексей. Нет, ты не палач... Я понял, кто ты.

Карий. Ну... Произнеси.

Алексей. Ты просто крыса. Жирная, вонючая, вся морда в крови...

Карий. Что... Ты меня?.. Ты меня?.. А-а... Зэки, готовьте могилу! Готовьте могилу для этой падали!.. (бросается на Алексея.)

В следующую секунду нож из его руки летит далеко, сам он падает и ударяется головой о нары. Изумленное молчание. Онемевшие

люди не могут поверить, что это сделал отец Арсений.

Отец Арсений (спокойно повернувшись к Алексею). Иди, умойся. Больше тебя никто никогда не тронет.

По лицу лежащего Карего стекает струйка крови. Все молчат напряженно.

Пахан (в стороне от всех, привалившись к вагонке). А что, Ваня, поп-то тебя сделал?..

После этих слов барак, по команде

будто, раздражается смехом и криками.

Зэки. Поп Карего сделал!

— Ай да поп!

— Боевой батька!

— То ли фашистов бил, то ли сам фашист!

Карий (медленно поднимаясь). Да я... Я же вас...

Внезапно в барак входит Веселый. Все смолкают.

Веселый. В чем дело?.. Драка?..
Чудесно!.. (Карему.) Ты зачинщик?
Так, зачинщику...

Карий. Вот, вот зачинщики!..
(Показывает на отца Арсения и
Алексея.)

Долгая пауза.

Веселый. Вот оно что... Дневальный
барака – сам зачинщик
беспорядков?.. (Алеше.) А ты,
щенок столичный, тебе двадцати
годочков по пятьдесят восьмой
мало? Ножиком балуешься? Хочешь
еще и по уголовной пройти?.. Ну,
нет, ребятки, таких шуток я не
люблю... А вот сам иногда
пошучиваю... (Громко.) Бывший
дневальный!

Дневальный (выскакивая из толпы.)
Я!

Веселый. Заступи на вахту. А вам, голубчики... По двое суток в карцере номер один... Без жратвы и воды. А чтоб жарко вам не было - оба в третий бокс. Он вроде попрохладней других.

Пауза.

Собирайтесь. Ну? Что, столбняк напал? Вперед! А приказ начальника по режиму я вам в карцер доставлю!

Алексей. Он не виноват! Поп не виноват! Он из-за меня!.. Отправьте

меня одного!

Веселый. Запомни, щенок: здесь я решаю и я приказываю. Вперед.

Отец Арсений. Пойдем, Алеша. Не надо его просить.

Они обводят глазами барак, прощаясь, и выходят. Веселый уходит за ними.

Пауза.

Саша. Господи, Господи, и эти на погибель!

Парнишка-вор. Да, считай, еще две сосульки сегодня будут...

Пахан. А зря ты это сделал...

Все смолкают.

Карий. Да ты что, Пахан?.. Ты же видел, эти же падлы сами... Он же третьим!..

Пахан. Зря ты это сделал, Ванюша...

(Он поворачивается и скрывается за нарами.)

Карий. Что я, что?.. Эти же падлы... Они сами... Все видели, да?..

Парнишка (задумчиво). Какую пришел попу и Алешке.

Карий. Но я-то ничего!.. Ведь все

они сами!.. Ну, все же видели, правда?..

Заклученные, будто не замечая его, расходятся по бараку. Карий один в пустом пространстве.

Ну, что я сказал?.. Что я сделал?.. Самому мне было в карцер лезть?.. Да хрен с ними, с фашистами!.. Да чтобы вы передохли, суки!.. Все, все!..

Парнишка (выходя из темноты). Кто это «все»?

Карий. Все!.. Все, падлы, предатели!..

Парнишка. Я не понял. Ты приклатненный, ты это нам, ворам,

говоришь? Ты это Пахана имеешь в виду?

Молчание.

Тебе, значит, позволили
повыступить, а ты поверил, что ты
вор?.. Ах ты, бяка... Ну, смотри сам
теперь.

Парнишка снова скрывается в
темноте барака.

Карий (подходит к ближайшей
вагонке и трясет ее). У-у-у!.. У-у-у!..
(Постепенно затихает, опускается
на пол и сидит, уткнув голову в

колени, тихонько воя.)

Из-за нар на передний план
выходят Рогозин и Саша.

Рогозин. Ну, где теперь-то Он, ваш
Бог?..

Саша. Я ничего, ничего не могу
понять...

Рогозин. А нечего и понимать!
Миром правит случай. Случайно
сейчас вошел Веселый? Случайно.
Случайно попа к нам в барак
бросили? Случайно! Случайно нас
всех собрали в этом лагере гнилом?
Случайно!.. Случайно вообще
человек живет на земле?..

Саша. Я с вами не согласен, ни за

что!..

Рогозин. Да тьфу – плевать мне на ваше согласие!!! Это там, в ваших Парижах, философствовать можно... А мы здесь – любим и ненавидим случайно. Живем – случайно,дохнем – случайно!.. Потому что случайность – это проявление закономерности, как сказал наш великий классик и главный учитель, дышло ему в глотку!..

Саша. Да какая тут закономерность?

Рогозин. А на хрена нам это знать? Нас скоро не будет на свете! А кто после нас придет... Он тоже будет гнить в бараке... Будет дни считать до окончания срока!.. А потом сдохнет, как собака, под забором... Как мы сдохнем...

Саша. Но ведь это неправда... Ведь

и это все зачем-то нужно..

Рогозин. Кому, кому нужно?

Саша. Богу нужно. И России.

Рогозин. О, России!.. Да где она?..
Где вы ее увидели, вашу Россию?

Саша. Везде... Вот здесь... Вот в
этом бараке...

Рогозин. А может, в карцере – тоже
Россия?

Саша. В карцере?.. Господи, не
понимаю..

Рогозин. И нечего понимать!..

Карий. Мм-мм...

Действие второе

Картина третья

Воскресенье, двое суток спустя.
Барак сегодня отдыхает. На своем
табурете прежний дневальный. Он
сидит развалившись, перед ним

стоит Карий. Что-то неуловимое изменилось в его осанке и поведении.

Дневальный (философски). Вот, например, как на воротах пионерлагеря Бухенвальда было написано? Ну, короче, я по-немецки не сильно шпрехаю, но по-нашему выходило: «Каждый сверчок – знай свой шесток.» Понял? И кстати, я тебе скажу, это мысль оч-чень неглупая... Да я и в полицаи-то подался за то, что немцы, они вообще очень неглупые люди. Я это дело уважаю. Ну, они меня вызвали и говорят, «Приторенко, хочешь работать не с дуболомами-коммуняками, а с умными людьми?» А кто же не хочет работать с умными людьми?.. Да и на ласку я всегда был отзывчивый...

Он коммуняк хоть кто-то за тридцать лет ласки дождался? То-то и оно!.. А кстати, и бабы все тогда стали мои – сами в койку прыгали за кусок черняшки... Эх!.. Ну не в этом вообще-то дело, да... Вот, значит, каждому свое в этой жизни, правильно?

Молчание.

Ты чего молчишь? Я с тобой разговариваю.

Карий (тихо). Да, правильно.

Дневальный. И вот, значит, я к чему веду-то? Вот и ты был уголовник, ладно еще, что не вор, но барак в страхе держал... Да что там барак – весь лагерь тебя, психа,

побаивался, правильно?

Карий пожимает плечами.

Ну вот, а кто ты теперь? Теперь ты есть пидор, наша общая жена. Теперь тебя боится кто-нибудь?

Молчание.

Видишь? Теперь ты всех боишься. Потому что любой может тебе сказать: «А ну-ка, Каринка, встань рачком!» И ты встанешь, правильно?

Карий кивает.

Правильно. Да я и сам все знаю, мне ведь наплевать, что ты там ответишь. Значит, был ты Карий, стал – Каринка... А как ты считаешь – это по справедливости?

Молчание.

Не слышу!

Карий. По справедливости.

Дневальный. Правильно. Ты попа с Алешкой на смерть отправил, заложил Веселому, тебя не только бабой – тебя трупом могли сделать. Могли?

Карий. Могли.

Дневальный. Но – пожалели! А кто тебя пожалел, знаешь?

Карий. Вы... Вы все меня жалеете...

Дневальный. Это-то верно. Но кто тебя самый первый пожалел?

Карий. Первый? Пахан пожалел.

Дневальный (подняв палец). Во-от! А почему он тебя пожалел? А? Почему?

Карий. Почему?

Дневальный. Потому что Пахан – это че-ло-век! Ты понял меня? Повтори.

Карий. Пахан – человек.

Дневальный. Вот. И Пахан, он

нужду простого человека понимает.
За это его и любят все. Правильно?

Карий кивает.

Ты это... Ты сегодня того... Ко мне приходи попозже, понял?

Карий. Нет, сегодня Пахан... Пахан велел... Он меня проиграл на сегодня.

Дневальный. Пахан? Ну, тогда другой разговора! Пахан – закон. Ничего, сегодня потерплю. А завтра придешь, понял?

Карий. Завтра приду, понял.

Дневальный. Знаешь, где моя вагонка?

Карий. Четвертая...

Дневальный. Пятая! Повтори:
пятая!

Карий. Пятая...

Дневальный. Вот так.

Откидывается, прислонясь к стене,
закрывает глаза. Карий стоит перед
ним, словно в столбняке. Из-за нар
выходят Рогозин и Щуплый.

Щуплый. Ну, и что она, ваша
музыка? Вообще, она вам хоть в
чем-нибудь помогла?

Рогозин. Всегда помогает.

Щуплый. Да в чем, в чем? Нет, вы

не подумайте, я музыку люблю, и даже классическую. Но я хочу сказать, как можно ее равнять с реальным делом?

Рогозин. С каким реальным делом?

Щуплый. Да с любым? Вот этот человек канаву копает, другой дом строит, третий детей рождает – это все дело. А музыка – это что? Но только честно!

Рогозин. Значит, музыка – не дело?

Щуплый. Да вас, для вас она дело! Потому что вы за нее деньги получаете! А для других всех она что? Пшик! Фу на постном масле!

Рогозин. Я только не пойму, вы разыгрываете меня или специально злите?

Щуплый. А как вы думаете? Как вам

кажется?

Рогозин. Мне кажется, вы вообще злой человек. Злой и подлый.

Пауза.

Щуплый. Между прочим, за такие слова полагается в челюсть...

Рогозин. Вы – мне? Да вы против меня вошь, а вас соплей перешибу!

Щуплый. Отлично! Отлично!..
(Смеясь.) И это музыкант, художник, интеллеktуал! А почему вы сорвались? Очень просто: я ваше задел! Самолюбие ваше. Из чего следует, что мы все – что? Все мы животные, хищник, только когти стараемся спрятать.

Рогозин. Слушайте, вам что надо от меня? Что вы на мне банным листом висите?

Щуплый. Это вы меня слушайте. Мы к вам давно присматриваемся, знаете..

Рогозин. Кто это «мы»?

Щуплый. Не важно. Комитет. Только не надо спрашивать какой! Кстати, мы наблюдали, как этот ублюдок, этот Сашка-французик, вас вербовать пытался! Но вы – молодец, стойко держались.

Рогозин. Куда завербовать?

Щуплый. Как это – «куда»? В свою религию!

Рогозин. Да что за ахинею вы все время несете?

Щуплый. Вы можете хотя бы послушать?

Рогозин. Только скорее говорите.

Щуплый. Дневальный! Почему грязь посреди барака?

Дневальный (очнувшись). Чего надо?

Щуплый. Почему дерьмо вонючее стоит у всех на виду?

Дневальный (Карему). Слышь, ты это... Давай, гуляй отсюда. Куда-нибудь. Видишь, зэки возмущаются. Нечего здесь...

Карий (как бы очнувшись). Куда мне идти?

Дневальный. Ну, давай, давай, иди куда-нибудь!

Карий. Да я не знаю...
(Нерешительно идет в сторону Щуплого.)

Щуплый. Куда?! На кого прешь, падаль? Пошла вон!

Карий поворачивается, выходит из барака.

Рогозин. А вы, оказывается, тоже животное.

Щуплый. А я и не скрываю! И никто из нормальный людей не скрывает. Да, надо выжить, надо выжить, победить судьбу! А что для этого необходимо, ну?

Рогозин. Что?

Щуплый. Объединиться!.. Вот потому и создан комитет.

Рогозин. Ну, хорошо, объединились – а дальше-то что?

Щуплый. А дальше – помогать друг другу! Взаимовыручка!.. Заняли вы хорошее место – меня тянете. Занял я – вас вытаскиваю! И наши шансы автоматически вырастают вдвое!

Рогозин. Постойте, а кто еще в комитете, кроме вас?

Щуплый. Некорректный вопрос.

Рогозин. Да нет, мне имена не нужны – сколько человек?

Щуплый. Не важно. Ну, что вы так смотрите? Да хотя бы и только мы с вами! Ну и что? Потом примкнут другие! Да через год-два вся зона в наших руках будет!

Рогозин. А вы, оказывается, просто мелкий жулик.

Щуплый. Жулик!.. Да я... Я жить хочу, выжить, понимаешь? У меня деток трое, жена больная – базедка у нее, как у покойной Надюши Крупской... Но не в этом дело... У меня и всего-то восемь лет было, а теперь и вовсе осталось четыре... ну неужели не дожить, неужели?.. Я же вижу, и ты все время ходишь как в воду опущенный... Все время один... ведь тяжело, тяжко?.. Ох...
(Он опускает голову.)

Пауза.

Рогозин. Не знаю... Не знаю... Это раньше я дергался, переживал... А теперь... Какая, в сущности,

разница? Жить, не жить – все это стороны одной медали... А может, не жить-то даже и легче...

Щуплый. Зачем такие мысли? Разве нам можно сдаваться?..

Рогозин. Гляди. (Вытягивает перед собой руки.) Видишь?

Щуплый. Что?

Рогозин. Все. Это уже не руки. Это клешни. Играть я больше не смогу. Никогда. Даже тапером стать для меня непосильно.

Пауза.

Щуплый. Ну так что же теперь – и жизнь кончена?

Рогозин. Ты же сам сказал: музыка для меня все, я ею деньги зашибаю..

Щуплый. Да нет, я вовсе не в том смысле, поверь!..

Из-за нар слышны раздраженные голоса. Выходят бывший партиец Авдеев и искусствовед Ганич.

Авдеев. Во-первых, вы - беспартийный. Правильно? Во-вторых, вы не рабочий, а интеллигент. И, в-третьих, вы занимаетесь древнерусским искусством. Между нами, конечно, это что - тема для науки?

Ганич. Во-первых, во-вторых... Удивительно, как вы все одинаково

мыслите.

Авдеев. Кто это «вы»?

Ганич. Да вы, бывшие партийцы. Каждый готов дать «шесть исторических указаний»...

Авдеев. А вот этого не надо! Есть вещи, которые не подлежат!

Ганич. Это какие же вещи? Может, идол ваш?

Авдеев. Прекратите! Я повторю хоть тысячу раз: то, что он сделал с лапотной Россией, — это же... У меня просто слов не хватает!.. А то, что вы имеете в виду, — это от дезинформации!.. Его намеренно отрывают от нас вражеские силы!

Ганич. Нет, это – удивительно! До какой степени люди могут ослепнуть... Ведь стыдно эту

ахинею слушать, давно уже стыдно!..

На спор подтягиваются заключенные.

Парнишка. Это кто там опять схватился?

Дневальный. Как всегда, Авдей с Ганичем за власть разговорились.

Парнишка. Хорошее толковище...

Ганич. Тот, первый, — да! Тот был великий человек. Шел всегда от жизни, от нужд момента — а что этот? Что он для нас, умных людей, хорошего сделал? Пересажал самый цвет? Да, это заслуга! Может, за это и прикажите его

любить?

Авдеев. Нет, я не прикажу. Приказать любить вообще невозможно... Но неужели нельзя встать выше личных обид, сохранять уважение?

Ганич. Того – уважаю! Этого – ненавижу!

Парнишка. Тише ты, Ганич! Про особый отдел забыл?

Ганич. Плевать! Все равно мне подохнуть здесь – так, по крайней мере, скажу напоследок!

Дневальный. Вот ведь: как слышу эту парашу – так блевать хочется. Ими, ровно тряпками, очки в уборных моют, а они все равно «любят и уважают»! Нет, правильно я таких глистов при немцах изничтожал! Жалко, что мало!

Авдеев. Это тебя, предатель, надо было повесить за военные преступления!

Дневальный. А уж с тебя бы, падла, я долго ремешки с живого резал! «Совдеповская власть, правый – левый»... Да будьте вы все прокляты, гниды! Вы же на людской крови ряхи себе отъедали!..

Открывается входная дверь. На пороге – отец Арсений и Алексей. Общая онемелая пауза. Первым приходит в себя Саша. Он приближается к отцу Арсению.

Саша (трогает отца Арсения за рукав). Живые... Живые!.. Они живые!

Рогозин. Вам что, отменили карцер?

Алексей. Отменили? Кто отменил? О чем вы?..

Саша. Да где вы были?

Алексей. Двое суток... От звонка до звонка... Какой день сегодня?

Саша. Воскресенье.

Отец Арсений. Конечно, воскресенье, я так и думал...

Саша. Так вы в карцере были?.. Двое суток? (Берет Алексея за руку.) Теплые... Даже руки теплые!

Отец Арсений. Алеша, тебе надо лечь. Лечь и крепко уснуть.

Алексей. Но я же и там спал, батюшка!

Парнишка. Спал в первом карцере?
Вот заливает!

Алексей. Я спал в первом карцере.
Слово чести! Да ведь батюшка в это
время молился за меня! Каждый
час, каждую минуту молился!

Парнишка. Пахан, Пахан! (Убегает
в воровской угол.)

Пауза. Выходят Пахан и Парнишка.

Пахан. Вы что, из карцера?

Отец Арсений. Да.

Парнишка. Тридцать градусом на
улице!

Пахан. Помолчи. (Отцу Арсению.)

Как же это вы... (Подходит к нему, дотрагивается.) Двое суток в первом карцере?

Алексей. Вот, и Пахан не верит!

Пахан (Алексею.) И ты двое суток?

Алексей. Ну, конечно, ведь мы вместе!

Пахан (помолчав, отцу Арсению.)
Как спаслись?

Отец Арсений. Молитвой. Верой и молитвой.

Пауза.

Пахан. Двое суток в первом карцере.. Дайте им водки.

Отец Арсений. Спасибо, но я не стану. Вот Алеше дайте.

Парнишка уходит за нары, возвращается с кружкой, протягивает Алексею.

Алексей. Батюшка, благословите?

Отец Арсений (благословляя его).
Пей, Алеша. Можно.

Алексей выпивает водку залпом.

- Теперь иди и ляг. Усни.

Алексей, пошатнувшись, уходит к своему месту. Саша, подхватив,

провожает его.

(Виновато.) Знаете, мне бы тоже... Немножко отдохнуть... Мне в эти двое суток спать совсем не пришлось...

Пахан. Конечно, батюшка... Иди отдохни.

Отец Арсений. Простите... (Уходит.)

Пауза. Пахан тоже уходит.

Рогозин. Медики и философы – предлагается объяснить этот

случай!

Ганич. Да, тут марксизмом не обойдешься.

Авдеев. А что вы, собственно, имеет в виду?

Рогозин. Да ничего особенного! Просто два человека пробыли двое суток в железном ящике при минус тридцати! И это при том, что все остальные замерзали в этом ящике за три часа!

Ганич. Действительно, рядовой случай!

Авдеев. Я знаю, знаю, чего бы вам хотелось! Вам хотелось бы услышать, что тут имело место чудо? Что они спаслись молитвой, как тут хитрован-поп пытался нас пропагандировать?

Дневальный. Тебя-то пропагандировал? Да кому ты нужен, совдеп? А батьку ты не тронь! Батька молитву имеет – видно! Ты его веру бил-бил, а разбить не смог и не сможешь никогда! Его вера – Христова, а это не твоя коммуняцкая вера, которую марксоны ваши придумали! Его-то вера от Бога идет, а ваша – от красных дьяволят!..

Авдеев. Лучше скажи всем, сколько ты наших людей уничтожил, предатель!

Дневальный. А, нечего по делу-то ответить?.. Да, много, много я ваших нелюдей на тот свет отправил, жалко только, осталось еще немало! Кабы ты в тылу не хоронился за бабскими юбками – я бы и тебя, падлу...

Авдеев. Вы слышите? Неужели здесь больше нет настоящих коммунистов?!

Рогозин. Ну откуда же здесь настоящим быть? Если и есть, так только бывшие...

Ганич. Да вы не волнуйтесь, бить вас не будут.

Авдеев. Меня?.. Меня - бить?..

Дневальный. А что, может, ты золотой? Может, нам на тебя помолиться, марксон вонючий?

Авдеев. Ну это... Это просто... Невозможно!.. (Уходит.)

Ганич. Сгубили Россию, сволочи... Ну и что, что отсталая была, лапотная?.. Зато лиц собственное имела!..

Саша (подходит). Простите, а в чем же Россия была отсталой?

Ганич. Как это – в чем? Да хоть в промышленности! Ну и в сельском хозяйстве... Потом, вообще жизненный уровень был невысок...

Саша. Не скучно вам эти сказки повторять? Мой отец работал в Бухаре. На свою зарплату инженера он мог купить в месяц двести баранов, а его рабочий – сто! А ваш рабочий за месяц каторжного труда хоть на паршивую овцу зарабатывает? Или, может, вы не знали, что половина хлеба на мировой бирже была всегда русской? И при этом люди в деревне не дошли миллионами, как в вашем колхозном раю!.. Революция делали дармоеды и лентяи для себя и для других дармоедов! Для того, чтобы сидеть

на шее народа и сосать из него кровь! Так всегда делали все вампиры!

Дневальный. Правильно, французик, режь ему матку в глаза!

Ганич. Ну, знаете, если жизнь измерять баранами...

Дневальный. А что, баран – худая птица? Небось и сам бы сейчас баранинки-то откушал, а? Дали бы тебе поджаристый бочок...

Парнишка. Глохни, не трави душу!

Саша. Раньше я верил, что новый режим заблуждается. Неизведанный путь, ошибки роста... Но как только я приехал сюда – я понял, как эта власть ненавидит Россию... Она же ее готова насмерть задушить своими руками!..

Рогозин. Саша, а вы бы все-таки
потихе...

В дверях барака появляется Карий.

Карий (негромко). Атас... Веселый
идет...

Народ медленно рассасывается по
бараку. Дневальный, наоборот,
вскакивает и принимает
молодцеватый вид. Карий жметя в
уголке. Входит Веселый.
Дневальный твердым шагом
подходит к нему.

Дневальный. Гражданин

надзиратель...

Веселый (делая знак рукой). Молчи.
Поп с Алешкой пришли?

Дневальный. Так точно.

Веселый. Где они?

Дневальный. Спят, должно.
Поднять?

Веселый. Поднять? Ну что же...
Поднимай.

Дневальный. Слушаюсь!
(Направляется будить спящих.)

Веселый. погоди! Стой... Пожалуй...
В общем, не буди. (В задумчивости
и нерешительности прохаживается
по середине барака. Замечает
Карего.) А, Карий... Ты ведь у нас
теперь в новой должности...

Дневальный (хихикнув). Мы его теперь Каринкой называем...

Веселый. Ну что, приятно быть бабой?

Карий (смущенно). Я не знаю...

Дневальный. У него теперь на все один ответ: «Не знаю»!

Веселый. А почему он здесь ошивается? Подслушивает?

Дневальный (строго). Пошел вон!

Карий уходит.

Веселый (сев на табурет Дневального). Да... Такой вот... случай... Ну, и что в бараке про это

кумекают?

Дневальный. Так что нам... Как начальство прикажет.

Веселый. Ну, а все же? Сам ты как понимаешь?

Дневальный. Так как, гражданин начальник... Чудо.

Веселый. Чудо?

Дневальный. Так и есть, конечно. Ну ладно, были бы ребята в теле. А то ведь оба – скелеты чистые, мяса и то нет, не что жиру! И двое суток без одеял, без тулупов...

Веселый. Чудо, значит? Ладно... (Встает, проходит на авансцену, делает знак Дневальному, чтобы шел за ним.) Ну, слушай: смотрели их доктора. Главный мне сказал: «Вполне может быть, поп ваш –

тибетский факир и знает способы пребывания на морозе. Но если попытаетесь выведать – мы могли бы помочь обороноспособности». Я тут уж сам скумекал остальное – ведь если вывести такого солдата, морозостойкого, — на него же ничего не надо: ни жилья, ни одежды! Его же так и возить можно, в железных ящиках!.. Но для этого нужно... Ты понял, что нужно для этого?

Дневальный. Понято-то я понял...

Веселый. Дознаешься, поможешь мне – я тебе два года со срока спишу. Сам знаешь: мое ходатайство для начальства – закон.

Дневальный. Два? За такое-то открытие?

Веселый. Ладно, три.

Дневальный. Маловато...

Веселый. Мало? Ну что ж, поищем другого...

Дневальный. Да согласен я, согласен, гражданин надзиратель!

Веселый. День и ночь следи, понял? Что шептать он будет, руками там что-нибудь махать – все запоминай!

Дневальный. Запомню.

Веселый. А чтобы вам стать поближе, я его вторым дневальным сделаю. Но гляди, если спугнешь...

Дневальный. Будьте спокойны!

Веселый. Сейчас будут спрашивать – скажешь: ищу, кто водкой торгует.

Дневальный. Понял.

Веселый. Да... Чего на свете не бывает. (Уходит.)

Дневальный садится на табурет.
Походит Парнишка-вор.

Парнишка. Зачем приходил?

Дневальный. Ищет, кто водкой торгует.

Парнишка. Врешь.

Дневальный. Сука буду!

Парнишка. Гляди, с огнем шутишь... (Уходит.)

Дневальный (про себя). Да ладно, пугай... Плевать мне на ваши угрозы... Еще поглядим, кто из нас

раньше отсюда выйдет... Но эти-то, коммуняки каковы!.. Ведь что выдумали, падлы, — морозостойкий солдат!.. Да ведь эдак их и вправду никто никогда не победит, а? Ну да хрен с вами... Если мне с этого дела три года отломится... Да за три года воли... Но ведь опять на них ишачить, на коммуняк!.. Что ж они делают?.. Что они со всеми делают?.. Ведь все их ненавидят - и все на них работают!..

Картина четвертая

Вечер того же дня. На переднем плане Дневальный и отец Арсений.

Дневальный. Ты, мой батюшка, за мной – ровно за каменной стеной! Я тут уж третий год дневалю, всю науку до хитрости превзошел. Самое, конечно, главное – дровишками загодя запастись. Будем с тобой эти делом с лета заниматься. Чем больше заначим – тем зимой наша жизнь вольготнее будет. Вот я прошлую зиму не подрасчитал – и пришлось мне дровишки беречь. Так меня Пахан два раза на правеж ставил. Крепко мне тогда ребята наподдали, два ребра сломали... Но тебя я в обиду не дам, слово чести! Ты и сейчас, если желаешь – пойди отдохни, а за печками я и один послежу...

Отец Арсений. Зачем же? В лагере каждый свою должен работу делать.

Дневальный (помолчав). Слышь, батюшка... А вы с Алешей как вернулись давеча утром из карцера – так зэки-то чуть не рехнулись! Потом уж и такие разговоры пошли: колдун, мол, батюшка, слово такое знает, что ни огонь, ни мороз его не берут. А правда, что тебя следователь в котел горячий бросал, а ты целый стался?

Отец Арсений. Нет, неправда.

Дневальный. Ну же брешут, волки позорные! Вот и я говорю: «Ну что ты брешешь, дурень? Ну если даже и колдун наш батюшка, тебе-то какое до того дело?» А тот дубина мне: «Так если б отец Арсений с нами секретом поделился – и мы бы тоже могли от карцера-то спастись!» «Ну, говорю, это ты брось. Тут тебе не детский сад, а лагерь особый, тут каждый в

одиночку спасается! Захочет кому батюшка помочь – тогда конечно, повезло такому человеку. А уж если не захочет...». Кстати, батюшка, хотел предупредить из сочувствия: ты вот давеча с Карим разговаривал, как с обычным зэком, а это теперь нельзя, это запахло. Ты знаешь, кто он у нас теперь?

Отец Арсений. Знаю.

Дневальный. Ну так вот! Это ж теперь не человек, а дерьмо вонючее! Об него запачкаться можно!

Отец Арсений. Вы думаете, наша грязь от других. Грязь изнутри идет, из нашего сердца. Из него все помыслы злые исходят и все мерзкие дела. Это-то все и сквернит человека. А другие – что ж... Других жалеть надо.

Дневальный. За что же их жалеть-то?

Отец Арсений. Да за то,. Что люди они. (Встает.) Пойду дров принесу. (Выходит.)

Дневальный. Не клюешь... Не клюешь, рыбка... Ну погоди, не последний же день вместе... Только бы мне тебя не спугнуть...

В углу слышен шум голосов. Быстро выходит из кучи спорящих Авдеев.

Авдеев (громко). Да, я терплю ни за что... Ни за что!.. А вы уже одними этими разговорами доказываете свою глубокую... свою глубочайшую враждебность всему прогрессивному! Так поделом же

вам, поделом!..

Следом за ним выкатывается клубок возбужденных зэков.

Рогозин. Правильно! Мы же для них не люди, мы для них – материал! Они нас вместо камней используют, а кровью нашей цемент разводят!

Дневальный. А что же это наш партиец-то, жив еще? Что же мы его, падлу, никак не удавим?

Авдеев. А я не понимаю, почему таких, как ты, сразу не стреляли, без суда и следствия!..

Дневальный. Э, вот то-то мне в лагере и нравится, что мы с тобой вместе сидим. А что? Справедливо!

Сколько лет ты своим паханам их партийные задницы лизал – а все же со мной вместе подохнешь, правда? И вся-то ваша власть в этом сказалась, вся ваша подлая партия!

Авдеев. Не смей, ты!.. Не смей такое!.. Своим поганым ртом... О самом святом на свете...

Саша. О самом святом?.. Вот уж это демагогия!.. настоящее святое вы своими сапогами топтали с семнадцатого года! Помните, как «пятилетку безбожия» объявили? Обещали, что к такому-то числу даже само слово «Бог» люди позабудут! Вот уж вправду, как у псалмопевца: «Сказал безумный в сердце своем: нет Бога!» И все же не вышло по-вашему, по-безумному!

Авдеев. Никто, никто вас не трогал, верили всегда, во что хотели!

Саша. Драгоценности у церкви отбирали под предлогом помощи голодающим! Только до голодных-то денежки те не дошли, застряли в ваших партийных карманах! Глубоки они, видно!

Авдеев. Не было этого, не было! Ничего этого не было никогда! Все это ложь и религиозная пропаганда!

Входит отец Арсений с охапкой дров. Пауза.

Дневальный. Вот, вот кого надо о церкви-то спросить!.. (Авдееву.) Только ты теперь не убегай, теперь ты слушай, коммуняка позорный, что тебе наш батюшка скажет! Батюшка! Твое слово теперь!

Ганич. Отец Арсений! Как власть к Церкви относится – это мы все знаем! А вот как Церковь на эту безбожную власть смотрит?

Саша. Скажи, батюшка, скажите!

Парнишка-вор. Давай, батя, сыпь!

Пауза. Отец Арсений складывает дрова у печи. Распрямляется. Все ждут.

Отец Арсений. Но ведь то, что я скажу, я скажу как человек верующий. А здесь, я знаю, большинство атеистов...

Ганич. Да ведь нам как раз верующего и интересно послушать!

Саша. Скажите всем, скажите!

Отец Арсений. Вот для чего вы сейчас меня призываете? Чтобы я вместе с остальными похулил порядки, власти, людей, которые нас посадили. Мы все ведь как судим? Нас с Алешей в карцер посадили после того, как на нас Карий показал. Значит, Карий – всему виновник, верно?

Парнишка. А то!

Отец Арсений. И тут же вы объединились – унизили человек, растоптали. Нашли виноватого и на том успокоились. Так же точно и с нашей историей получается: внешне вроде так все и есть: пришли большевики, разрушили церковь и самодержавие, веру попрали... Но может быть, все-таки глубже поглядим? Что было до

большевиков в России? Сам-то народ свою веру ценил? Сами-то русские люди свои святыни уважали? Сама-то Россия свой бесценный дар, самодержавие, берегла?.. Нет и нет. Не ценили, не уважали, не берегли. Но если уже давно вера в человеческих сердцах пропала – кто в этом виноват? Нынешние власти? Или прошлые? Или все-таки каждый, кто семена разврата и неверия сеял по русской земле? А наша интеллигенция...

Ганич. Что интеллигенция, что? Может, священники лучше?

Отец Арсений. А про нас самих я уж и не говорю! Мы-то, пожалуй, хуже всех и были. Уж если из священнических семей выходили чернышевские да добролюбовы – то что можно сказать про такие семьи?!

Авдеев. Правильно!.. Вот, слушайте, что признает типичный служитель культа!

Отец Арсений. Мы и виноваты во всем: мы не заложили в народной душе веры, мы эту веру не взрастили. Но и народ виноват: он с охотой бросил свою веру, с наслаждением ее топтал, храмы разрушал своими руками! Вы только представьте: человек Богом сотворенный, говорит, что Бога нет. Это ли не безумие?

Саша. «Сказал безумный в сердце своем: нет Бога!»

Отец Арсений. И разве такое преступление могло остаться без возмездия? Никак. Вот и посланы на нашу землю египетские казни... Много их, столько еще никогда не бывало, — но и грех-то наш такой,

какого в веках не было в России... Ругать большевиков – пустое занятие. В себя мы должны посмотреть, в себе найти корень этого великого духовного зла. В себе, а не в других! И как только начнем меняться – мир вокруг нас тоже изменится чудесно. Говорил преподобный Серафим: «Имейте мир в душе – и тысячи вокруг вас спасутся». Правда же, как немного – «мир в душе»?

Пауза.

Дневальный. Это что же получается? Выходит, с кем угодно война, а этих коммуняк защищать – божеское дело?

Отец Арсений. Русский солдат не

коммунистов защищал, а Россию. Детей своих, жен, матерей. Родину свою. А то, что плодами победы пользуются пока только безбожные власти, так и это до поры. Я верю, что час искупления все равно придет.

Пауза.

Ганич. Стало быть, все беды российские оттого, что Бога забыли?

Отец Арсений. И не только российские. Все беды мира от человеческого богоборчества, все страдание.

Ганич. Как-то уж слишком глобально ставите вопрос.

Авдеев. Ну, положим, что касается причин катаклизмов – эту идеалистическую версию мы, конечно, не принимаем...

Дневальный. Да кто тебя здесь спрашивает, козел!.. (Отцу Арсению.) Но ты-то... Ты-то... Значит, и ты красный?

Отец Арсений. Если бы поняли вы, о чем я говорил...

Дневальный. Да поняли мы, поняли!.. Ну неужели все вы, верующие, такие?.. Вас, стало быть, жгут и режут, народ ваш жгут и режут – а вы этих же самых палачей благословляете?!

Отец Арсений. Нет, вы не поняли...

Рогозин. Ну почему же... Кое-что и мы, темные безбожники, понимаем... Стало быть, чтобы

казни египетские кончились – все надо каяться?

Отец Арсений. Да. Всему нашему народу каяться в страшном грехе безбожия.

Рогозин. Ну, за весь народ я не ходатай. А вот чтобы меня отсюда выпустили, чтобы мои казни кончились – мне тоже покаяться надо?

Отец Арсений. Надо.

Рогозин. А если мне не в чем каяться? Если я жил честно?

Отец Арсений. Да ведь я о безбожии говорю! Если Бога нет в душе – никакая честность не спасет! Вера, вера нужна!.. Надежда нужна... Господь нужен бедной душе!..

Щуплый. Пропаганда! Лишний раз убеждаешься, что все попы – пропагандисты! Ну кого мы слушаем сейчас, кого? Ведь они же верят, что мертвый человек, Труп, скелет, да просто прах – что этот прах может воскреснуть! О чем после этого с ними вообще говорить?!

Авдеев. Действительно, больше абсурда не придумать!

Отец Арсений (Щуплому).
Обязательно воскреснет, каждый из нас.

Щуплый. И я?

Отец Арсений. Каждый из нас.

Щуплый. Нет уж, увольте! Эту сказочную честь можете оставить себе, вместе с вашим раем!

Отец Арсений (в волнении). Не
честь... Воскресение - не честь...
Суд будет... Страшный суд... Судия
спросит, как душу спасал... Что
скажешь?.. Что ответишь?.. Кто из
нас оправдается?..

Пауза.

Дневальный. Так вот как... Так вот
что... Эх... Так пропадай - три года
жизни?.. (Всеми.) Кого слушаете?..
Кого?.. Может, еще на исповедь к
нему пойдете?.. Правильно,
батюшка добрый... батюшка
ласковый... (Отцу Арсению.)
Стукач!.. Стукач!.. Подослали к
нам, чтобы за коммунык нас
агитировал!..

Саша. Какая ложь!..

Отец Арсений (делая
останавливающий знак рукой).
Пусть.

Дневальный. «Пусть»... Даже и
обижаться не снисходит... А я-то,
дурак, губищи свои раскатал:
батюшка, мученик... Да не были они
ни в каком карцере! В особом
отделе у печки просидели двое
суток! Гад буду, они там на нас
доносили, а нам за это
расплачиваться! Нас теперь
особисты пытаться будут!..

Отец Арсений. Разве вас когда-
нибудь пытали? Вам в лагерях
всегда хорошо жилось... А
вспомните, скольких вы пытали и
мучили...

Дневальный. Я?

Отец Арсений. Осуждены как
полицай, а на самом деле были

исполнителем приговоров,
палачом...

Дневальный. Врешь!..

Отец Арсений. С каким
наслаждением слабых истязали,
детей мучили на глазах матерей!..

Дневальный. Молчи-и!..

Отец Арсений. Тебя Господь в
живых оставил, чтобы ты успел
покаяться, а ты...

Дневальный. Ах ты, сволочь!..

Идет на Арсения. Внезапно от
двери кто-то бросается наперерез и
отталкивает Дневального. Это
Карий.

Карий. Не надо, слышишь!.. За попа ответишь!..

Дневальный (задохнувшись). Что?! Ты меня тронул?.. Ты посмел?.. Нет, вы вдели?.. Пидор, чушок тронул честного зэка!.. Все видели, все?.. (Озирается, замечает стоящего в глубине Пахана.) Пахан. Ты видел?.. Чушок меня тронул!.. Паха, я убью его!..

Пахан (помолчав). Твое право.

Дневальный (Карему). Ты слышал, вошь? Прощайся с жизнью. Ты будешь долго умирать...

Карий (слабо). Не надо бить... Зачем?..

Дневальный весело идет на Карего, так же весело бьет. Тот падает.

Дневальный. Встать.

Карий. Не могу...

Дневальный (пинает его). Встать, чушок!...

Отец Арсений. Хватит!

Дневальный. Что?.. Зэки, вы слышите, поп вступается за чушка?..

Парнишка. Батя, не лезь в законное дело! Карий теперь – вонючка!

Щуплый. А вспомните, как он сам весь барак в страхе держал! Вот она, расплата пришла!

Дневальный (Карему). Встать, падла! Ну? Или я сейчас буду тебя топтать...

Карий. Не могу... Не бей... не надо!..

Дневальный. Не надо?.. Ладно, уговорил... не убью тебя. Пальцем не трону никогда, если сейчас сделаешь для меня одно дело... Встань.

Карий встает.

А теперь стукни попа.

Карий. Что?..

Дневальный. Не расслышал? Ударь попа... Да не сильно... легонько... Разочек, ну? Иначе - забью!..

Карий (затравленно озираясь). Как же?.. Ведь я не могу...

Дневальный. Разочек один...
Легонько, по личику... Иначе
на смерть забью тебя, падаль...

Карий. Ведь я чушок... А он – зэк...
не могу его запачкать!..

Дневальный. Значит, подыхать тебе
милее?..

Карий. Не знаю... Не знаю!..

Отец Арсений (Карему). Ничего.
Ударь меня... Я не боюсь.

Пауза.

Парнишка. Батя, ты этим не шути...
Это серьезно! Ударит он тебя – и
все, хана тебе!..

Отец Арсений (Карему). Я не боюсь, слышишь? Ударь меня..

Карий медленно и неуверенно поднимает руку, но не может ее опустить. Он весь дрожит от напряжения. Плачет. Внезапно отец Арсений делает шаг к нему, берет его руку, притягивает к своему лицу, целует. Общий изумленный вздох. Карий испуганно вырывает руку.

Дневальный. Вы видели?.. Видели?..

Щуплый. Да что же это, а?.. Что это такое?!

Дневальный. Нет, вы же все видели, зэки?..

Пахан (выходя вперед). Ну видели...
И что?

Дневальный. Пахан, да это же... Это
западло!..

Пахан (Карему, показывая на
Дневального). Ударь его.

Карий. Я?..

Пахан. Не бойся. Бей.

Дневальный. Пахан, за что?!

Пахан (Карему). Бей...

Дневальный (падая перед Паханом
на колени). Пахан, прости!.. Не
погуби, Пахан!

Пахан. Почему? Может, ты лучше
других? (Карему.) Ударь его.

Карий делает движение.

Отец Арсений. Не надо!.. Не надо,
Пахан.

Пахан. Почему?.. И этого
прощаешь?

Отец Арсений. Не надо...

Пахан. А он бы тебя не простил.
(Дневальному.) Так, значит,
детишек резал?

Дневальный. Клевета! Ложь! Я был
простой советский полицай!

Пахан (отцу Арсению). Видишь?
Простой советский полицай. Зачем
же ты их прощаешь, батя?

Отец Арсений. Как же не прощать?
Люди они.

Пахан. Они люди? Ой, плохо ты их знаешь! Они за полпайки любую глотку порвут! Волки это, а не люди! Шакалы! Поскреби нас всех – в целом лагере, может, один человек и найдется, да и тот сумасшедший!

Отец Арсений. Люди это, такие люди... Среди них сейчас уже праведники есть, а со временем, может, и святые миру откроются...

Щуплый. Пропаганда, все пропаганда!

Пахан. Значит, и он (показывает на Дневального, все еще стоящего на коленях) человек?

Отец Арсений. Человек.

Дневальный поднимается с колен.

Пахан. И я человек?

Отец Арсений. И ты человек,
Андрей.

Пахан (тише). А ты хоть знаешь,
скольких я убил?

Отец Арсений (тише). Многих... А
одна жертва тебя особенно мучит,
только вот не знаю кто. Но если
хочешь... Если сможешь, приходи на
исповедь ко мне. Я тебя ждать буду.

Пахан. Нет, батя, мои грехи Бог не
простит.

Отец Арсений. А ты прощения
просил?

Пахан. Не надо, не рви душу
старому вору! Вон их исповедуй,
молодых! Может, кого еще и

спасешь...

Отец Арсений. Не я спасаю, Бог. А к тебе тогда я сам приду. Хочу тебя послушать.

Пахан. Ну, гляди, не пожалей.

Уходит к себе с Парнишкой и несколькими ворами. Постепенно расходятся все заключенные. Остаются Дневальный, Карий и отец Арсений. Карий пугливо переводит взгляд с одного на другого, потом потихоньку ретируется.

Дневальный. Стой.

Карий замирает.

Я тебя все равно кончу, понял?

Карий. За что?..

Дневальный. За все. Иди, вошь.

Карий уходит.

А ты, поп... Ты, конечно, сегодня в
масть попал... Но гляди, Пахан и
перемениться может... Тогда у я и с
тобой посчитаюсь, невзирая на сан.

Отец Арсений. Все в руке Божьей.

Дневальный. Ладно. Когда в моих

руках будешь – посмотрим, что за песни запоешь. (Хочет уйти.)

Отец Арсений. Сколько злобы в тебе... А хоть бы о том подумал, что ведь умирать скоро...

Дневальный (замирая). Что? Что ты сказал?

Отец Арсений. Болезнь у тебя неизлечимая. Пока скрыта еще, но скоро уж откроется. Разве можно в такие дни о душе не подумать?

Дневальный. Но ты же врешь, поп?.. Ты врешь... Какая болезнь?

Отец Арсений. Я не знаю какая... Просто чувствую... Вот здесь она... (Показывает рукой где-то в районе живота.)

Дневальный (задумчиво). А ведь побаливает-то у меня здесь давно...

Я думал, съел что гнилое... Но если так... Это что же, ведь это мне лечиться надо?.. Так как же... Что же ты раньше молчал?! Ведь спасти человека надо, спасти!..

Отец Арсений. Но я только сейчас почувствовал.

Дневальный. «Только сейчас»! Вам-то что, вам не помирать – а я... А мне...

Отец Арсений. Тебе бы успокоиться сейчас... Хоть немного внутрь себя войти... Ну вспомни, ведь в душе-то черно?.. Как же очистить душу?..

Дневальный. Да погоди ты с душой своей!.. Мне же в больничку... Мне к врачам надо – а здесь коновалы одни!.. Что мне делать-то, как теперь вырваться отсюда?

Отец Арсений. А как ты вырвешься

отсюда? Отсюда некуда... А будешь молиться – может, и помилует Господь...

Дневальный. Да брось ты!.. При чем здесь это?.. (Делает суетливые движения, но видно, что ни на что не может решиться. Останавливается.) А как молиться-то?

Отец Арсений. Научу, всему научу. Только злобу свою на людей поумерь, ладно?

Дневальный (помолчав). Ладно...
Что уж теперь...

Отец Арсений уходит. Дневальный стоит, ощупывая рукой свой живот.

Думал, что гнилое съел, само, думал, пройдет... Как же так? За что?.. За что... Выходит, за все... И ведь не жил еще, совсем не жил... Сначала меня убивали, потом я убивал – жить-то и времени не было!.. Вот оно как: жить не жил, а помирать сроки пришли... Что же это за судьба мне выпала такая?.. Господи, сколько же мы друг друга помучили... Сколько же мы поубивали друг друга!.. Как же теперь эту кровь-то замолить?.. Какими словами?..

Картина пятая.

Лет десять спустя. Кабинет следователя Одинцова из первой картины. Исчезли многочисленные шкафы, вся комната стала более пустой и жалкой. Одинцов, в штатском, сильно постаревший, сидит у окна на стуле. По радио звучит песня:

«Огней так много золотых

На улицах Саратова,
Парней там много холостых,
А я люблю женатого...

Парней так много холостых
А я люблю женатого...»

Открывается дверь, заглядывает Солдат-охранник.

Солдат. Товарищ Одинцов!..

Одинцов делает приглашающий жест. Солдат скрывается за дверью. Входит отец Арсений. Он тоже постарел, сгорбился. Одинцов показывает ему на стул. Отец Арсений проходит, трудно ступая, садится. Звучит песня,

«Ах, рано он завел семью,
Печальная история,

Я от себя любовь таю,

А от него – тем более...

Я от себя любовь таю,

А от него – тем более...»

Одинцов нехотя прикручивает ручку радио, отрываясь от песни.

Отец Арсений.

Одинцов. Да... Так... Ну вот, Петр Андреевич, стало быть, и на вашу статью бумага пришла...

Приходится нашему начальству и верующих освобождать... Хотя, по секрету могу сказать, — не любит вас кукурузник лысый... Не любит, не жалуется... Да и за что вас ему любить? Нынешнее поколение обязано жить при коммунизме – а тут вы со своей отсталой верой...

Отец Арсений. Мне можно идти?

Одинцов. Что? Куда? Я вас для дела вызвал!.. В общем, вот бумага об освобождении вашей статьи, вот журнал регистрации... Навесили на меня еще эту канцелярщину... Вот тут вот поставьте свою подпись, что ознакомились с содержанием документа.

Отец Арсений. Можно ознакомиться?

Одинцов. Не возбраняется!

Отец Арсений читает бумагу, ставит свою подпись.

Отец Арсений. Можно идти?

Одинцов. Не смею задерживать!

Отец Арсений встает, хочет идти.

Что, думаете, свобода вам светит?

Отец Арсений застывает на месте.

Не курите вы?

Отец Арсений. Нет.

Одинцов. Выпить хотите?

Отец Арсений. Не пью.

Одинцов. А я вот пью!.. Да сядьте вы, успеете еще на свободу!..

Отец Арсений садится. Одинцов достает с подоконника стопку, бутылку коньяка, наливает.

Ну что, гражданин... виноват, товарищ Стрельцов, за вашу и нашу свободу? Полетели!.. (Привычным жестом опрокидывает стопку.) Клопами пахнет... Куда на воле-то поедете?

Отец Арсений. Не знаю... Ничего не знаю...

Одинцов. Правильно! Нынче никто ничего не знает... Что завтра будет? Не знаю!.. Что вчера было? Не знаю!.. Да хоть сегодня-то что? А хрен его знает!..

Отец Арсений. Вас тоже увольняют?

Одинцов. Что?.. Ха-ха!.. А вы как думали!.. Я ведь «запятнал себя жестоким обращением»! Это я-то запятнал!.. А чьи приказы я выполнял?.. Чьим инструкциям следовал?.. А ты-то сам, кукурузник, с кем рядом на мавзолее стоял – забыл уже?.. И все забыли?.. Ну нет, не все!.. Можно и напомнить при случае!..

Молчание.

Семьи нет, дома нет, всю жизнь службе отдал... В пятьдесят – пенсионер... Кончена жизнь... Для кого жил, для чего?.. Мать была – и ту похоронил прошлой весной в Саратове... Вот какая смешная история... Так что можете радоваться: вместе нас

освобождают – и вас, и меня...
Только для вас свобода – счастье, а
я ...

Отец Арсений. Счастье? Да ведь
меня никто не ждет. Нигде. И ехать
мне некуда... Ведь я на одно
надеялся – что здесь меня и
похоронят, что там, на болоте за
зоной, вместе со всеми лежать буду
– а тут это ваше освобождение...

Одинцов. Да не мое, не мое!.. Это
те, умные!.. Они же вас одной рукой
освобождают, а другой рукой новую
пакость вам готовят, удавку на
шею!.. А вы, поди, всему поверили,
они у нас нынче речистые, не то
что Батя усатый! Они у нас нынче
любого оболтают!

Отец Арсений. Ну, зачем же
политикам верить... Политик
правды все равно не скажет...

Одинцов. Вот!.. Вот это в точку... Я вам по секрету: ведь я раньше верил, верил!.. И вдруг этот приходит и говорит: «Твоя вера – ничто, дрянь!».. Нет, это какво, а?.. Это, думаете, легко нашему народу пережить?

Отец Арсений. Я понимаю, это нелегко... Только знаете... не в том беда, что пришли новые люди и разрушили ложную веру... Не в том...

Одинцов. А в чем?

Отец Арсений. Беда, что они вместо старой веру подсунут новую – и опять ложную... И поменяет наш народ одну ложную веру на другую... Вот в этом беда.

Одинцов. В думаете, в этого кукурузника верит кто-нибудь?

Отец Арсений. Я не про него. В него не поверят, но поверят в какую-нибудь... свободу... или демократию... И снова вместо истинного Бога – идол будет в сердце человека...

Одинцов (помолчав). Знаете, вот кончилась моя служба, я теперь вроде не у дел – и что же видно стало?.. А вижу я: те, которые наверху, все как есть – жулики!.. Один одним способом дурит народ, другой – другим... И все этот самый народ ненавидят!.. В общем, пока этот человек при власти – всегда это человек подлец. Это я вам говорю, я этим самым подлецом двадцать лет был!..

Отец Арсений. Ну, если у нас про это зашел разговор... Видите ли, меня когда в тридцать третьем забирали, а тоже вот как вы думал...

Заклученных всех до одного праведниками считал, а на охрану и надзирателей вообще не смотрел – не принимал их за людей... Но скоро Господь меня вразумил...

Одинцов. Любопытно...

Отец Арсений. Это году в тридцать пятом случилось... Шли мы как-то зимой колонной в зону с лесоповала, я тогда еще мог на общих работать... Вечер был, мороз, звезды уже горели... Только чувствую: еще другой какой-то свет светит над колонной... Глаза поднимаю: что за чудеса?.. Вижу, над некоторыми людьми как бы свечечки горят, маленькие, а яркие... А над другими – темно... Вот в первом ряду – из пяти человек над двумя огонечки теплятся.. Во втором ряду – над одним... Зато в пятом ряду трое светятся... И так по

всей нашей огромной колонне...
Глаза перевожу, а там: идут наши
конвойные солдатики, да чуть не
над каждым – свечечка!.. И так
ясно их свечечки горят, так
смиренно... Господи, думаю, прости
же меня гордеца!.. Ведь этих-то я и
за людей не считал!.. И вот тогда-
то, в тот вечер, я самое главное
понял и запомнил на всю жизнь...

Одинцов. Ну!..

Отец Арсений. Господь людей
колючей проволокой не делит. Это
мы сами себя разделили, сами друг
друга ненавидим, а для
милостивого Христа все равны – по
ту сторону колючки и по эту... Все
равны – и все любимы... Только
свечечку-то в себе надо зажечь...
Зажечь – и уж не гасить...

Одинцов молча наливает и выпивает коньяк.

Вот вы говорите, жизнь кончена... А жизнь ваша только-только начинается. И свечечка ваша загорится, я верю. Ладно, теперь пойду...

Он встает. Встает и Одинцов.

Одинцов. Погодите... В общем... Увидимся ли теперь... Я про то, что... Я ведь тогда и вас... кулаками... Вы меня... В общем, я сожалею... Простите.

Пауза.

Отец Арсений. Вот и ваш огонек затеплился. Только уж не гасите теперь. (Выходит.)

Одинцов в задумчивости опускается на стул. Перед ним бутылка и стопка, но смотрит он куда-то далеко.

Занавес.

1989

